

УДК 821.111-94
Код ВАК 13.00.02

С.С. Бойчук*

«БЫТЬ САХИБОМ»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА БРИТАНИИ

В статье рассматриваются экзистенциальные основания колониальной ситуации, понятой в качестве вызова и необходимости преодоления себя перед лицом «подчиненных рас». Показано значение императива «быть сахибом» на материалах автобиографической прозы «солдат» Британской империи.

Ключевые слова: колониальная ситуация, имперские проекты, экзистенциализм, автобиографии, солдаты, Британская империя, образ сахиба.

Согласно оценке О. Маннони, колониальная ситуация есть «ситуация взаимного непонимания, причина которой заключается в различии личностных структур тех и других»¹. К этому определению добавим, что это ситуация особого двойного непонимания: тут, в колонии, и там, на родине. Кроме этого, колониальная ситуация – это, прежде всего, экзистенциальная ситуация, т.е. пребывание во внутреннем диалоге со смыслами бытия, вследствие их раскрытия в пограничном положении между жизнью и смертью. В пограничном положении человеку, смотрящему в бездну времени и пустоты, открываются сокрытые суетой повседневного смысловые основы человеческого существования, и он постигает, что есть свобода и в вспышках озарения обретает ее. Оказавшись вне устоявшихся культурных форм, человек как бы начинает жить заново, превращается в *tabula rasa*: потеряв опору в коллективе, традициях, привычной картине мира, человек сталкивается лицом к лицу с предельными смыслами и основаниями бытия. В познании последних ему распахивается новый мир свободы и истины, не искаженный внешней по отношению к субъекту познания интерпретацией. В результате обретения свободы и осуществившегося

Бойчук Сергей Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2).

Sergej S. Wojchuk, Ph. D., Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of Taras Shevchenko State University of Lugansk.

Телефон/Phone: +38 (0642) 58-61-08. E-mail: overbaring@mail.ru

© Бойчук С. С., 2018

¹ Лурье 1997: 211.

выхода за свои пределы человек становится самим собой, поскольку он есть проект свободы и «обречен быть свободным».

Определив колониальную ситуацию через экзистенциальное измерение, мы приближаемся к пониманию имперского проекта с антропологической перспективой. В основе данного подхода находится признание в колониальной ситуации трех фундаментальных составляющих: ощущение «иног», познание высших смыслов, постоянное одиночество. Именно одиночество оказывается важной эпистемологической точкой для интерпретации экзистенциального измерения империи: «Все они (т.е. солдаты империи, люди, теоретически имеющие право на «жизнь, свободу и счастье» – С.Б.) были люди одинокие, познавшие страх одиночества. Все были моложе тридцати – а это слишком рано для такого рода познания»².

Обратившись к воспоминаниям людей, прошедших дорогами империи, лишний раз убедимся в исторической достоверности рассказов Р. Киплинга, точно передающих атмосферу колоний и мировоззрение англичан, служивших идее Большой Британии в заокеанских территориях. Приведем несколько цитат. «Со мной ехали шесть молчаливых телохранителей, – пишет Т.Э. Лоуренс в «Восстании в пустыне», – следовавших за мной, как тени. И меня охватила тоска по родине, ярко подчеркнутая мое одиночество между этими арабами»³. Эрик Блейр в автобиографическом произведении «Убийство слона» признавал, что над всеми проблемами, которые окружали молодого полицейского офицера, видевшего с близкого расстояния «грязное тело империи», ему «приходилось размышлять в отчаянном одиночестве, на которое обречен каждый англичанин, живущий на Востоке»⁴.

Всеохватывающее чувство одиночества связывало в единое экзистенциальное целое затерянных в глубине миссий, в пограничных фортах, отделявших *Rex Britannica* от кочевых племен, и в строительных лагерях, заваленных шпалами, рельсами и фермами для мостов. «Постарайтесь вообразить одиночество – еще более полное, чем в самом глухом углу, куда вас забрасывает служба, – одиночество, которое начинает давить вас уже с утра, как только вы откроете глаза, и заставляет, хотите вы того или нет, с головой уходить в дневные заботы. Вы не получаете писем, вам не с кем перемолвится словом, к вам нет дорог, все, что у вас есть – это пища, чтобы поддержать ваше тело, но она неприятна на вкус»⁵.

В связи с вышеизложенным возникает закономерный вопрос: в чем заключается принципиальное отличие одиночества колониальной

---

² Киплинг 1989: 146.

³ Лоуренс 2002: 214.

⁴ Оруэлл 1990: 223.

⁵ Киплинг 1989: 186.

ситуации от одиночества погруженных в мещанскую пустоту больших городов цивилизации? Действительно, между адом Р. Киплинга и адом Ж.-П. Сартра много общего. Как для первого, так для второго сущность и все семь кругов пекла – одиночество в окружении людей, чуждых по духу: «Ад – это другие». Эта фраза описывает не только мир Запада, но и ощущение представителей Запада на Востоке. Тем не менее, разница между этими двумя ситуациями существует, и при этом она не сводится исключительно к идее долга или расовым фанабериям. В основе данного принципиального отличия находятся экзистенциальные характеристики, связанные с «бременем белого человека».

В понятийном аппарате современной социальной психологии присутствует термин «социальная фасилитация». Под ней понимают усиление доминантных реакций в присутствии других людей или тенденцию, побуждающую людей выполнять простые или хорошо знакомые задачи при условии присутствия других людей. Объяснение феномена социальной фасилитации состоит в следующем: присутствие других возбуждает или усиливает напряжение, которое, в свою очередь, улучшает выполнение простых задач и ухудшает выполнение трудных. Последнее было подтверждено многочисленными экспериментальными исследованиями⁶. В то время как социальная психология рассматривает фасилитацию в качестве ситуативного явления, возникающего в зависимости от изменения внешних факторов, в колониальную ситуацию социальная фасилитация вращается полностью, укореняется и приобретает экзистенциальный характер. Эта трансформация происходит вследствие того, что перед лицом туземцев белый человек не имеет права на ошибку.

Достаточно красноречивое описание этой психологической установки содержится в упомянутом выше рассказе Эрика Блейра (Дж. Оруэлла). Сюжетную линию этого автобиографического произведения составляет убийство сбежавшего от хозяина слона. Домашний слон, у которого настал «сезон охоты», раздавил одного бирманца-кули, разрушил хижину и создавал потенциальную угрозу безопасности. Прибывший на место происшествия полицейский офицер вынужден был с немалой опасностью для собственной жизни убить животное. Однако главное, что пугало англичанина, – это не то, что в случае промаха у него оставалось столько же шансов выжить, «как у жабы под паровым катком». «Единственная мысль крутилась в моем сознании: если что-нибудь выйдет не так, эти две тысячи бирманцев увидят меня удирающим, сбитым с ног, растоптаным, как тот оскаленный труп индийца на горе, с которой мы спустились. И если такое случится, то, не исключено, кое-кто из них начнет смеяться. Этого не должно

---

⁶ Майерс 2000: 360-362.

произойти. Есть лишь одна альтернатива», – признавался Э. Блэйр⁷. Читая этот отрывок, нужно помнить, что эти слова принадлежат не идеологу империализма, воспевавшему цивилизаторскую миссию, а не испытывающему иллюзий насчет Британской империи социалисту по убеждениям (вернее, леваку-троцкисту), и участнику гражданской войны в Испании в рядах ПОУМ. Несмотря на свои политические предпочтения, Э. Блэйр прекрасно понимал, что, находясь на службе на колониальном Востоке, он принадлежит к корпорации белых.

Членство в этой особой общности вносило существенные коррективы, как в поведение строителей империи, так и в феномен социальной фасилитации: как в первом, так и во втором случае главное значение приобретал особый фактор, определяющий содержание отношений на Востоке и выступающий производным от ощущения иного, – роль Сахиба. Англичанин, находящийся на гражданской или военной службе в колонии, приходил в соприкосновение со специфической культурно-исторической реальностью, которая навязывала ему определенную модель поведения.

Следует учитывать, что любой глобальный исторический проект содержит в себе некий категоричный императив, совокупность норм и основанный на них образ истинного человека. Особенностью имперского проекта является сосуществование и взаимопроникновение двух этических систем: «домашней», созданной в метрополии, и «местной», возникающей под влиянием туземных представлений о власти. Таким образом, мы получаем следующую максимум имперского (или колониального) правления: для того, чтобы эффективно управлять «подчиненными народами», необходимо соответствовать их взглядам об истинном правителе. Вследствие этого англичане (как, впрочем, и любые другие европейцы) на колониальной службе вынуждены были учитывать мировоззренческие стереотипы аборигенов, что бесспорно способствовало синтезу между Востоком и Западом, но в то же время вызывало отказ от части того феномена, который можно назвать «английскость»⁸. При этом необходимо подчеркнуть следующий факт: если для французов или немцев подобный переход не требовал радикального разрыва с собственной социокультурной традицией, т.к. идея сильной авторитарной власти, опирающейся на бюрократическую иерархию, не противоречит французскому и немецкому опыту, то для англичан, воспитанных в рамках консервативно-демократических и индивидуалистических принципов, это означало действительный отказ от идентичности.

Фактически белый человек на Востоке становится заложником системы отношений, попадая в непосредственную зависимость от «ди-

---

⁷ Оруэлл 1990: 226-227.

⁸ См., например: Englishness 1986.

карей»: становясь тираном, уничтожаешь, прежде всего, собственную свободу. Сахиб, белый господин, вынужден жить и работать, зная, что за ним постоянно следят черные, желтые или просто смуглые лица. И для них англичанин должен быть сахибом потому, что главным условием его правления является необходимость жить, производя впечатление на «туземцев», и в каждой кризисной ситуации он должен делать то, чего ждут от него «туземцы». Эрик Блэйр так описал это чувство: «Вот я, белый с ружьем, стою перед безоружной толпой туземцев – вроде бы главное действующее лицо драмы, но в действительности я был не более, чем глупой марионеткой, которой управляет так и сяк воля желтых лиц за моей спиной»⁹.

Подобно полицейскому офицеру, служившему в маленьком городке Моульмейне в Нижней Бирме, вынужденному убить слона, многочисленные солдаты империи обязаны были действовать, как подобает сахибу. Роль белого господина и связанные с ней обязательства превращали жизнь англичанина на Востоке в маску, поглощавшую его национальное и психологическое Я. Маска сахиба чрезвычайно ограничивала действия, сковывая поступки непривычными обязанностями. Прежде всего, этот императив быть сахибом выражался в отсутствии права на страх, на видимый страх: «мой страх – моя забота» (как сказал полковник Лоуренс). Эрик Блэйр сформулировал эту мысль более откровенно: «Белый человек не должен испытывать страха на глазах туземцев, поэтому он, в общем и целом – бесстрашен»¹⁰.

Неотъемлемой составляющей образа сахиба также являлись сила воли и другие составляющие героического поведения. Однако этот набор супермена не отображает сущность образа сахиба, т.к. в основе роли белого господина находится своеобразный молчаливый диалог с туземцами, ожидающими от англичанина определенной совокупности действий. Именно осознание этого ожидания ложилось тяжелым грузом на плечи чиновников и военных, служивших в колониях: «И главное – эти горемыки ждут от тебя, что ты их спасешь; вот что хуже всего», – признавался один из героев Р. Киплинга, передавая мысли автора¹¹.

В истории английского колониализма существуют факты подобного преодоления, и один из наиболее ярких примеров этого – карьера и действия Эвелина Беринга, лорда Кромера, занимавшего пост секретаря вице-короля Индии, а в 1883 году получившего должность английского генерального контролера в Египте. Эвелину Берингу было поручено следить за поступлениями в долговую кассу хедива, но, несмотря на скромность официального положения, он руководил всей египетской политикой. Как для своих подчиненных, так и для выше-

---

⁹ Оруэлл 1990: 226.

¹⁰ Там же: 226.

¹¹ Киплинг 1989: 148.

стоящих Беринг был человеком, выкованным из стали, на которого можно положиться в любой критической ситуации. В одном из писем лорд Розбери признавался, что с Кромером можно идти охотиться на тигров. Тем не менее, во время колониальной службы и этот железный характер пережил определенную трансформацию, этапы последней можно проследить по прозвищам, которыми награждали сослуживцы лорда Кромера: если в Дели его называли просто «Вице-Вицекороль» (Vice-Viceroy), то в Каире – «Сверх-Беринг» (Over-Baring)¹².

Фактически, в обязанности европейца входило превращение в сверхчеловека: он должен мужественно, перенося все невзгоды и лишения, выводить народы из «египетской тьмы». Особый статус сахиба напоминал положение белых людей-богов индейцев Южной Америки: в стальных и перемещающихся на лошадях пришельцев видели посланцев неба, однако это положение предполагало подтверждений действиями. Так же как и индейцы не поверили в божественное происхождение пришельцев из-за океана, а пытались проверить истинность этого предположения путем различных испытаний, «подчиненные расы» ожидали сверхъестественного от сахибов. Несмотря на существенные отличия эпохи конкисты от периода колониальных империй, оставались лишь неизменными особая вера туземцев в техническое могущество далекой цивилизации и ожидание недоступного для человека от неведомого белого волшебника. Поэтому молчаливый крик-требование о сотворении чуда всегда преследовал европейца на колониальном Востоке. Он должен был быть чародеем, фокусником, достающим из цилиндра всевозможные предметы для того, чтобы иметь право называться сахибом и управлять «подчиненными расами».

Список источников и литературы

- Киплинг 1989** – Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. – Л.: Художественная литература, 1989.
- Лоуренс 2002** – Лоуренс Т. Э. Восстание в пустыне. – М.: АСТ, 2002.
- Лурье 1997** – Лурье С. В. Историческая этнология. – М.: Аспект Пресс, 1997.
- Майерс 2000** – Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Мастера психологии, 2000.
- Оруэлл 1990** – Оруэлл Дж. 1984. Рассказы. – М.: Прогресс, 1990.
- Englishness 1986** – Englishness. Politics and culture 1880-1920. – L., 1986.
- Marlowe 1970** – Marlowe J. Cromer in Egypt. – L., 1970.

---

¹² Marlowe 1970: 276.